

«Спать хочется» А.П. Чехова:
поэтика, «оправдывающая» Варьку

Елена И. Зейферт

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, elena_seifert@list.ru*

Аннотация. Автор статьи доказывает, что средствами поэтики (на пространственно-временном, мотивном, субъектно-объектном, сюжетно-композиционном, речевом и других уровнях), обдуманном привлечением в художественную реальность физиологических (крик младенца как сильный раздражитель, отсутствие описания и конкретизации ребенка) и медицинских данных (рецептивные и когнитивные расстройства у человека при недостаточном количестве сна) Чехов «оправдывает» свою героиню. Нагнетание тяжести эмоционального состояния героини, сопряженное с изменением хронотопа (ночь, комната хозяев; день, квартира хозяев, парадная, лавочка; ночь, комната хозяев) демонстрирует в итоге аффективное состояние (безумие), которое делает Варьку невменяемой на момент совершения преступления. Хронологически Чехов отодвигает событие убийства в самый финал произведения, постепенно вызывая у читателя эмпатию к Варьке, к примеру, через повествователя, способного видеть события ее глазами, и специфику обращенной к героине (приказы, угрозы, оскорбления) и исходящей от нее речи (автоматическое мурлыканье колыбельной). В произведении по ходу движения сюжета уменьшается пространство сна и яви героини, автор нагнетает, сгущает ее эмоциональное состояние; полуявь прослаивается в явь и сон, занимает все больше места и времени и постепенно переходит в безумие. Настоящие, пусть и косвенные убийцы ребенка – его родители.

Ключевые слова: Чехов, «Спать хочется», хронотоп, сон, безумие

Для цитирования: Зейферт Е.И. «Спать хочется» А.П. Чехова: поэтика, «оправдывающая» Варьку // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 3. С. 42–52. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-3-42-52

“I want to sleep” by Chekhov.
Poetics “justifying” Var’ka

Elena I. Seifert

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
elena_seifert@list.ru*

Abstract. The author of the article proves that by means of poetics (at the spatio-temporal, motivic, subject-object, plot-compositional, speech and other levels), the deliberate involvement of physiological (the cry of an infant as a strong stimulus, the lack of description and concretization of the child) and medical data (receptive and cognitive disorders in humans with insufficient sleep) Chekhov “justifies” his heroine. Forcing the severity of the heroine’s emotional state, coupled with a change in the chronotope (night, the owners’ room; day, the owners’ apartment, front door, shop; night, the owners’ room), as a result, demonstrates an affective state (madness) that makes Var’ka insane at the time of the crime. Chronologically, Chekhov pushes the murder event to the very end of the work, gradually arousing in the reader empathy for Var’ka, for example, through a narrator who can see events through her eyes, and the specifics of the speech addressed to the heroine (orders, threats, insults) and of that coming from her (automatic purring lullaby). Within the work, in the course of the plot, the space of the heroine’s dream and reality dwindles the author thickens her emotional state; half-reality stratifies into the reality and dream, takes up more and more space and time and gradually turns into madness. The real, albeit indirect, murderers of the child are his parents.

Keywords: Chekhov, “I want to sleep”, chronotope, dream, madness

For citation: Seifert, E.I. (2021), “ ‘I want to sleep’ by Chekhov. Poetics ‘justifying’ Var’ka”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 3, pp. 42–52, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-3-42-52

Рассказ Чехова «Спать хочется» (создан и опубликован в 1888 г.) – хрестоматийное произведение, уже изученное на высоком уровне в различных аспектах. Сам автор в переписке с издателем А. Плещеевым отзывался о «Спать хочется» как о «плохоньком рассказе», ради которого он отвлекся от создания повести «Степь», к ее завершению писателя и подталкивал в это время издатель. Рассказ был написан быстро и опубликован в № 24 «Петербургской газеты» от 25 января 1888 г. под подписью А. Чехонте, а затем, через два года, с уже добавленным автором пуантом (в финале один ребенок, подросток, убивает другого ребенка, новорожденного), перепечатан в сборнике «Хмурые люди». Из всех рассказов Чехова

«Спать хочется» особенно выделял Лев Толстой. Произведению посвящены разделы диссертаций и монографий [Кубасов 1998; Ли Хо 2019], учебные пособия [Семёнова 2020], многочисленные статьи [Семёнова, Лелис 2011; Никаноров 2019], в том числе новейшие. Рассказ Чехова порождает к жизни другие художественные тексты («The Child Who Was Tired» Кэтрин Мэнсфилд [Грехова 2017] и др.). Обзор исследований рассказа Чехова «Спать хочется», отзывов о нем, интерпретаций, ремейков требует отдельной статьи, но шедевр Чехова как многослойное произведение оставляет для ученого и неосвоенные зоны работы.

Я предлагаю гипотезу: в рассказе «Спать хочется» средствами поэтики Чехов стремится «оправдать» тринадцатилетнюю Варьку, убившую младенца. Оправдать одного ребенка, в состоянии аффекта убившего другого. Методологически я опираюсь на исследования в области психологии искусства и, в первую очередь, на работы Л.С. Выготского, рассматривающего, к примеру, как с помощью поэтических средств И. Бунин создает образ легкого дыхания в одноименной новелле, под особой оптикой изображая смерть Оли Мещерской [Выготский 1986].

Чеховед А.В. Кубасов отмечает, что рассказ «Спать хочется» отражает полемичный эпистолярный диалог Чехова с Григоровичем. Молодой Чехов отвечает маститому писателю на письмо от 25 марта 1886 г. в велеречивой, почти слезливой манере 1840–1850-х гг. (всплеск сентиментализма в постромантической литературе), отнюдь не свойственной ему, называя адресата «благовестителем». Complimentарно-сентиментальный тон ответного письма был выбран Чеховым абсолютно верно и горячо поддержан респондентом. Но этот тон только внешний: «Спать хочется» с его трагедийной концовкой и отмеченным А. Кубасовым пародийным осмеянием «дамской литературы» (тринадцатилетний крестьянский подросток Варька видит «туманные грёзы», она «сжимает себе деревенеющие виски», как барышня) – своеобразный ответ Чехова «Сну Карелина» Григоровича, сентиментально-реалистическому произведению, завершающему кошмар «примирающе светлым впечатлением». Как предполагает Кубасов, Чехов, опирающийся на научную логику в своих произведениях, ознакомился с трудом А. Лесевича «Эскурсии в область психиатрии», опубликованными в той же «Русской мысли» (1887) вслед за рассказом Григоровича. Лесевич, в частности, описывает здесь «импульсивное помешательство», которое «открывается или сразу, каким-нибудь внезапным насилием, или же предварительно хранится в сознании больного в виде темного влечения», «в первом случае больного толкает какая-то неведомая сила, о которой он не в состоянии дать себе никакого отчета» [Ле-

севич 1887, с. 4]. Это состояние очень похоже на то, что овладевает обезумевшей без достаточного сна Варькой. По мнению Кубасова, указанная работа Лесевича принималась во внимание Чеховым не только при создании «Спать хочется», но и других произведений, например «Палаты № 6» [Кубасов 1998, с. 152–165].

Одним из новейших монографических рассмотрений рассказа Чехова «Спать хочется» является учебное пособие Н.В. Семёновой «Анализ рассказов А.П. Чехова «Спать хочется» и «Анна на шее» [Семёнова 2020]. Автор показывает эти рассказы как «высказывание» (дискурс) и как линейно организованное повествование (нарратив), анализирует ключевые слова в «Спать хочется», позволяющие «выявить на глубинном уровне структурную симметрию, ослабляющую деструктивность финала» [Семёнова 2020, с. 4.]. В разделе «Концовка в рассказе А.П. Чехова “Спать хочется”» Н. Семёнова демонстрирует новеллистический потенциал чеховского жанра – «антиновеллы» – с помощью разных схем от тема-рематических цепочек до повествовательных структур [Семёнова 2020, с. 26–31].

Для интерпретации рассказа «Спать хочется» важны не только литературные, но и внелитературные факторы, которые также «оправдывают» Варьку. Сколько времени человек может прожить без сна? Что происходит с человеком, у которого отнимают естественную потребность во сне? Как влияет на человека крик младенца? Какое впечатление производит на взрослого маленький ребенок?

Медицинская литература утверждает: сон для человека даже важнее пищи. Муки голода не мучают Варьку: запах и вид пищи в рассказе («пахнет щами», она чистит селедку и др.) не раздражают ее, вероятно, девочке дают вполне достаточно еды. У человека, лишённого сна или спящего недостаточно долго, развиваются когнитивные и рецептивные расстройства. Прожить без сна человек может не более 11 дней [Ковальзон 2012, с. 85]. Во время сна организм человека восстанавливается, сон жизненно необходим.

Крик младенца – один из сильнейших раздражителей, в большинстве случаев способный разбудить спящего взрослого. Но уставшая от недосыпа Варька уже не всегда реагирует на плач ребенка, порой из сонного забытья ее выводит хозяйка, в том числе ударом. Однако именно плач ребенка изматывает девочку и становится формальной причиной его убийства.

Природа создала человеческое дитя беспомощным: в отличие от многих детенышей животных, оно долгое время нуждается в присмотре и уходе. Но природа все же дала ему обезоруживающее защитное свойство: своим личиком и телом дитя умиляет, «призывая» взрослого накормить его, обогреть, защитить. У ребенка в рассказе

Чехова «Спать хочется» даже нет имени, Чехов не называет его возраста (мы предполагаем, что ему полтора-два месяца: возможно, Варьку и наняли после его рождения), не описывает внешнего вида. Ребенок передан через крик, он обозначен просто как «ребенок», мы даже не знаем, девочка это или мальчик. Его даже мать называет «ребенком» («подай сюда ребенка»¹ (Чехов 1985, с. 10)). Если бы ребенка называли по имени, особенно в уменьшительно-ласкательной форме, и в рассказе была бы описана его умиляющая внешность, то читатель, испытав эмпатию, сопереживал бы ребенку сильнее. Однако имя в рассказе есть только у Варьки (о ней автор сразу говорит: «Варька, девочка лет тринадцати...» (Чехов 1985, с. 7), не Варя, не Варенька, а Варька, так к ней обращаются хозяева), ее родителей (Ефим (Степанов) и Пелагея) и единожды упомянутого подмастерья Афанасия. С помощью этого персонажа Чехов показывает, что рядом были люди, которые могли бы помочь Варьке, но Афанасий не обращает внимания на страдания подростка, не замечает их. Забитая Варька и не задумывается о том, что на свою участь можно пожаловаться кому-либо: с матерью (возможно, работающей на фабрике или в другой семье) у нее нет никаких контактов.

«Спать хочется» – темо-рематическое расположение слов в названии акцентирует внимание на слове «спать», возводя его в почти императивное высказывание, внутренний крик изможденного от нехватки сна человека. На сюжетно-композиционном уровне Чехов отодвигает событие убийства в самый финал произведения: если бы он сообщил об убийстве сразу (как в криминальной статье), то читателю было бы трудно не осуждать Варьку.

У Варькиных родителей, как у других многодетных крестьян, вероятно, нет других детей, и это не случайно: у девочки нет опыта заботы о маленьких детях. Она слышит в основном обращенные к ней приказы или угрозы, а сама почти всегда в полусне напевает только автоматические слова колыбельной, убаюкивая в первую очередь саму себя. Ефим, тяжело заболев, даже не подумал о возможности обратиться за помощью к господам или врачу (читатель тоже до конца не верит в их помощь, но и хозяева Ефима, и врач (у Чехова-врача зачастую персонаж положительный) пытаются помочь. После смерти отца Варька с матерью, что следует из осколков ее сна о шоссе, идут наниматься в город, где девочка разлучена с матерью и даже не думает пожаловаться ей или другим людям на свою горькую участь.

¹Чехов А.П. Сочинения: В 30 т. Т. 7. 1888–1891. М.: Наука, 1985. 736 с. (здесь и далее отсылки на это издание даны в тексте в круглых скобках, с указанием фамилии автора и страницы).

Отношение русского человека к смерти фатально. Ситуация смерти Ефима, отца Варьки, в рассказе Чехова «Спать хочется» (смерть от запущенной болезни, страх обратиться за помощью, ощущение себя как обузы и – главное – отношение к смерти как к фатуму (см. покорные, обращенные к доктору фразы Ефима: «Помирать, ваше благородие, пришло время... Не быть мне в живых» (Чехов 1985, с. 9), «Это как вам угодно, ваше благородие, благодарим покорно, а только мы понимаем... Коли смерть пришла, что уж тут» (Чехов 1985, с. 9)), на мой взгляд, восходит к двум рассказам – Ивана Тургенева «Смерть» и Льва Толстого «Три смерти», в которых каждый из писателей изображает несколько смертей. Тургенев – смерть мужика Максима от несчастного случая («Господь... меня наказал... ноги, руки, всё перебито... сегодня... воскресенье...»² (Тургенев 1979, с. 67)), мельника Василия Дмитрича от запущенной болезни (грыжи), «вечного студента» Авенира Сорокоумова («Нет, брат, спасибо, – промолвил он, – все равно где умереть. Я ведь до зимы не доживу... К чему понапрасну людей беспокоить?» (Тургенев 1979, с. 68); «Скончался ваш друг в совершенной памяти и, можно сказать, с таковою же бесчувственностью, не изъясняя никаких знаков сожаления» (Тургенев 1979, с. 68)) и барыни по старости, Толстой – смерть молодой барыни («Ах, мой друг, – сказала она, неожиданно перебивая ее, – не приговаривайте меня. Не считайте меня за дитя. Я христианка. Я все знаю. Я знаю, что мне жить недолго, я знаю, что ежели бы муж мой раньше послушал меня, я бы была в Италии и, может быть, – даже наверно, – была бы здорова. Это все ему говорили. Но что ж делать, видно, богу было так угодно»³ (Толстой 1935, с. 134), мужика Фёдора (Хвёдора) («Везде больно. Смерть моя пришла – вот что. Ох, ох, ох! – простонал больной» (Толстой 1935, с. 134) от запущенной болезни и дерева. Все умирающие верят в фатальность смерти, как и Ефим, от которого мы слышим только «бу-бу-бу-бу» (и затем фразы о покорности смерти), так похожее на автоматическое мурлыканье Варьки «баю-баюшки-баю». Характерно, что имя «Ефим» встречается у Тургенева («Я у Ефима... сычовского... – залепетал умирающий, – лошадь вчера купил...

²Тургенев И.С. Смерть // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 3. М.: Наука, 1979. С. 61–87 (здесь и далее отсылки на это издание даны в тексте в круглых скобках, с указанием фамилии автора и страницы).

³Толстой Л.Н. Три смерти // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Произведения 1856–1859: В 90 т. Т. 5. М.: Худож. лит., 1935. С. 121–139 (здесь и далее отсылки на это издание даны в тексте в круглых скобках, с указанием фамилии автора и страницы).

задаток дал... так лошадь-то моя... жене ее... тоже...» (Толстой 1935, с. 136)), а мельник Василий Дмитрич умирает, как чеховский Ефим, от запущенной грыжи («Гм, – промолвил Капитон и понюхал табаку, – значит, грыжа. А давно с вами это приключилось?» – «Да десятый денёк пошел» (Толстой 1935, с. 137).

Мотив «зеленого пятна», которое ложится на потолок от лампы, и длинных теней, которые отбрасывают панталоны и пеленки, эволюционирует в тексте вместе с изменением эмоционального состояния героини: при первом упоминании дана просто констатация их наличия, затем «зеленое пятно» и тени «приходят в движение, лезут в полуоткрытые, неподвижные глаза» (Чехов 1985, с. 7) Варьки, далее – «колеблются, мигают ей и скоро опять овладевают ее мозгом» (Чехов 1985, с. 9), утром они «заметно бледнеют» (Чехов 1985, с. 10), ночью «опять лезут в полуоткрытые глаза Варьки, мигают и туманят ей голову» (Чехов 1985, с. 11), в Варькином безумии «тоже, кажется, смеются и удивляются» (Чехов 1985, с. 12), а затем она сама подмигивает и грозит «зелёному пятну» (Чехов 1985, с. 12).

Нагнетание Варькиного безумия реалистично и ярко продемонстрировано в смене состояний главной героини. Это наглядно можно увидеть на схеме хронотопа и эмоционального состояния главной героини в исследуемом произведении (см. рис. 1).

Обозначим индексами 1, 2, 3, 4 соответственно явь, сон, промежуточное состояние между явью и сном (полуявь) и безумие главной героини.

Явь (1). Ночь. Комната в квартире хозяев. От слов «Ночь...» до «...в ее наполовину уснувшем мозгу складываются в туманные грёзы» (Чехов 1985, с. 7).

Полуявь (3). Прослойка полуяви («туманные грёзы») между явью и последующим сном. Следует набросок движения Варьки и матери в город, который можно обозначить индексом 3: от слов «в ее наполовину уснувшем мозгу складываются в туманные грёзы» до «мурлычет Варька».

Сон (2). Ночь. Комната в квартире хозяев. Фабула смерти отца. От слов «и уже видит себя в темной, душной избе...» до «вдруг кто-то бьет ее по затылку с такой силой, что она стучается лбом о березу» (Чехов 1985, с. 9). Фабула смерти отца. Варька зачастую видит примитивные сны, фабульно и детально передающие то, что было в реальности; причем ей снится один и тот же сон – ночное шоссе, смерть отца. Здесь лишь переставлены местами действия: в жизни сначала была смерть отца, а потом движение осиротевших Варьки и ее матери в город. Это свойство уставшего от недосыпа мозга? Или следствие довольно простой душевной организации девочки? Или чеховский прием? Все в смешанности.

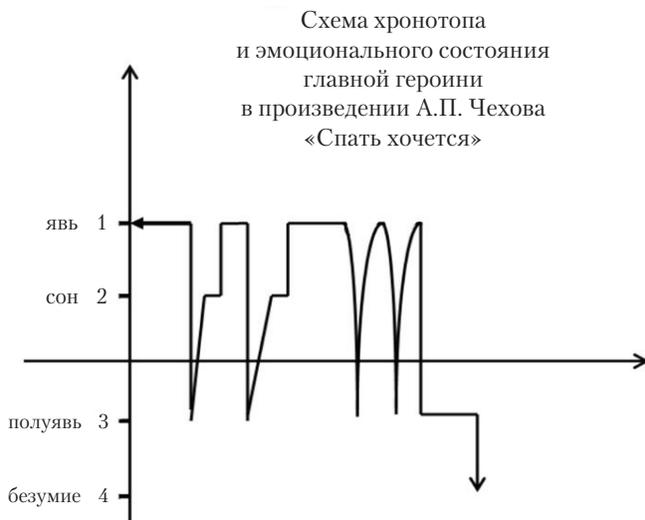

Рис. 1.

Явь (1). Ночь. Комната в квартире хозяев. От слов «Она поднимает глаза...» до «...скоро опять овладевают ее мозгом» (Чехов 1985, с. 9). Внутри сегмента следует прослойка полуяви (3) «зеленое пятно и тени от панталон и пелёнок колеблются» (Чехов 1985, с. 9).

Сон. 2. Ночь. Комната в квартире хозяев. От слов «Опять она видит шоссе...» до «Слышишь, подлая?» (Чехов 1985, с. 10) Девочке даже во сне хочется спать: «глядя на них, Варьке страстно хочется спать» (Чехов 1985, с. 10).

Явь. 1. День. Квартира хозяев. Парадная. Лавочка. От слов «Варька вскакивает...» до «В печке кричит сверчок...» (Чехов 1985, с. 10–11). В этот день проникает уже не просто полуявь, но почти бред: «Она садится на пол, чистит калоши и думает, что хорошо бы сунуть голову в большую, глубокую калошу и подремать в ней немножко... И вдруг калоша растет, пухнет, наполняет собою всю комнату, Варька роняет щетку, но тотчас же встряхивает головой, пучит глаза и старается глядеть так, чтобы предметы не росли и не двигались в ее глазах» (Чехов 1985, с. 10); «Голову тянет к столу, картошка рябит в глазах, нож валится из рук...» (Чехов 1985, с. 11).

Полуявь. 3. Ночь. Комната в квартире хозяев. Чехов называет Варькино состояние «полусон». От слов «зеленое пятно на потолке...» до «прислушавшись к крику» (Чехов 1985, с. 11).

Безумие, помутнение сознания, аффект (4). Ночь. Комната в квартире хозяев. От слов «...находит врага, мешающего ей жить...» до «...спит крепко, как мертвая» (Чехов 1985, с. 12). Варька обнаруживает, что враг – ребенок, именно он не дает ей спать. «Ложное представление овладевает Варькой» (Чехов 1985, с. 12). В финале девочка спит «крепко, как мертвая» (Чехов 1985, с. 12): по всей вероятности, утром ее и ждет избивание до смерти. Последний абзац о совершении преступления Чехов добавил для переиздания произведения в сборнике «Хмурое утро», обозначив не только место намерения убить собственно экшна, но и более явные признаки безумия девочки (ее диалог с зеленым пятном): «Смеясь, подмигивая и грозя зеленому пятну пальцами...» (Чехов 1985, с. 12).

По схеме мы видим, как в произведении по ходу движения сюжета уменьшается пространство сна и яви героини, автор нагнетает, сгущает ее эмоциональное состояние; полуявь прослаивается в явь и сон, занимает все больше места и времени и постепенно переходит в безумие.

Важны водоразделы, швы, границы между слоями яви, полуяви и сна, говорящие о болезненном сне, его нехватке, невозможности пробудиться даже от окрика или удара: часть такого водораздела во сне, а часть – уже в яви:

1. «Варька идет в лес и плачет там, но вдруг кто-то бьет ее по затылку с такой силой, что она стучается лбом о березу. Она поднимает глаза и видит перед собой хозяина-сапожника.

– Ты что же это, паршивая? – говорит он. – Дитё плачет, а ты спишь?» (Чехов 1985, с. 9).

2. «Подайте милостынки Христа ради! – просит мать у встречных. <...> – Поддай сюда ребенка! – отвечает ей чей-то знакомый голос...» (Чехов 1985, с. 10).

Повествователь симпатизирует Варьке, порой показывая события ее органами чувств («толстая плечистая хозяйка», «возле ходит толстая, сердитая хозяйка с засученными рукавами и говорит так громко, что звенит в ушах»). Нагнетание тяжести эмоционального состояния героини, сопряженное с изменением хронотопа (ночь, комната хозяев; день, квартира хозяев, парадная, лавочка; ночь, комната хозяев), как видно по данной схеме, демонстрирует в итоге аффективное состояние (безумие), которое делает Варьку невменяемой на момент совершения преступления.

Настоящие, пусть и косвенные убийцы ребенка – его родители. Возможно, у них первенец, мать очень молода, но то, что отец и мать всецело доверили свое дитя столь неопытной, да еще и измож-

денной от хронического недосыпа няньке, не находит оправдания. У молодой хозяйки явно приглушен материнский инстинкт и любовь к ребенку: она не стремится быть рядом с малышом, лично успокоить его, приласкать, подержать на руках, вечером проводит время с гостями, не называет своего ребёнка по имени.

Чехов отодвигает событие убийства в самый финал произведения (как Бунин, по наблюдениям Л. Выготского, отодвигает от внимания читателя убийство Оли Мещерской [Выготский 1986, с. 146–158]), во всем тексте вызывая у читателя эмпатию к Варьке через повествователя, способного видеть события ее глазами, и специфику обращенной к героине (приказы, угрозы, оскорбления) и исходящей от нее речи (автоматическое мурлыканье колыбельной). Средствами поэтики (на пространственно-временном, мотивном, субъектно-объектном, речевом и других уровнях), обдуманном привлечением в художественную реальность физиологических и медицинских данных Чехов «оправдывает» свою героиню.

Литература

- Выготский 1986 – *Выготский Л.С.* «Лёгкое дыхание». Глава VII // Психология искусства / Предисл. А.Н. Леонтьева. М.: Искусство, 1986.
- Грехова 2017 – *Грехова О.А.* Тема «усталого» детства в рассказах А.П. Чехова и К. Мэнсфилд // Уральский филологический вестник. 2017. № 4. С. 178–186.
- Ковальзон 2012 – *Ковальзон В.М.* Забытый основатель биохимии и сомнологии // Природа. 2012. № 5. С. 85–89.
- Кубасов 1998 – *Кубасов А.В.* Диалог с Григоровичем («Спать хочется») // Проза А.П. Чехова: искусство стилизации: Монография. Екатеринбург, 1998. С. 152–165.
- Лесевич 1887 – *Лесевич В.* Экскурсии в область психиатрии. 1. О психическом рождении // Русская мысль. 1887. № 2. С. 4.
- Ли Хо 2019 – *Ли Хо.* Рассказ «Спать хочется» // Ли Хо. Языковое представление сновидений в прозе Чехова: реальность и ирреальность: Дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2019. С. 130–133.
- Никаноров 2019 – *Никаноров С.А.* Тема безрадостного детства в рассказах Чехова «Спать хочется» и «Ванька» // Вестник Шадринского гос. пед. ун-та. 2019. № 3 (43). С. 266–270.
- Семёнова 2020 – *Семёнова Н.В.* Анализ рассказов Чехова «Спать хочется» и «Анна на шее». Тверь, 2020. 52 с.
- Семёнова, Лелис 2011 – *Семёнова Н.В., Лелис Е.И.* К проблеме видов подтекста в рассказе А.П. Чехова «Спать хочется» // Вестник Удмуртского ун-та. 2011. Вып. 2. С. 146–152.

References

- Grekhova, O. (2017), “The theme of “tired” childhood in the stories of A.P. Chekhov and K. Mansfield”, *Ural Philological Bulletin*, vol. 4, pp. 178–186.
- Kovalzon, V. (2012), “The forgotten founder of Biochemistry and Somnology”, *Priroda*, vol. 5, pp. 85–89.
- Kubasov, A. (1998), “The dialog with Grigorovich (“I want to sleep”)”, *Proza A.P. Chekhova: iskusstvo stilizatsii*. Monografiya [Prose by A.P. Chekhov. The art of stylization. Monograph], Yekaterinburg, Russia, pp. 152–165.
- Lesevich, V. (1887), “Excursions to the field of psychiatry. 1. About mental degeneration”, *Russkaya mysl'*, vol. 2, p. 4.
- Li, Kho (2019), “The story ‘I want to sleep’”, *Yazykovoye predstavleniye snovideniy v proze Chekhova: real'nost' i ireal'nost'* [Linguistic representation of dreams in Chekhov's prose: reality and irreality], Ph.D. Thesis, Rostov-na-Donu, Russia.
- Nikanorov, S. (2019), “The theme of a joyless childhood in Chekhov's stories ‘I want to sleep’ and ‘Van'ka’”, *Vestnik Shadrinskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, vol. 3 (43), pp. 266–270.
- Semenova, N. (2020), *Analiz rasskazov Chekhova “Spat' khochetsya” i “Anna na sheye”* [Analysis of Chekhov's stories “I want to sleep” and “Anna on the neck”], Tver', Russia.
- Semenova, N., Lelis, Ye. (2011), “On the issue of the subtext types in the story of A.P. Chekhov “I want to sleep”, *Vestnik Udmurtskogo Universiteta*, vol. 2, pp. 146–152.
- Vygotskii, L. (1986), ““Easy Breathing”, Chapter 7”, in Leontiev, A.N. (foreword), *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of Art], Iskusstvo, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена И. Зейферт, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; elena_seifert@list.ru

Information about the author

Elena I. Seifert, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; elena_seifert@list.ru